

— Вашему повелителю, кажется, нездоровится, поэтому этот подчинённый сварил для вас горячую лапшу с бульоном, — Цин Цзюэ приподнял корзинку с едой, которую держал в руке. — Но я боялся потревожить отдых повелителя и потому не осмелился войти...

В секте «Сяохунь» насчитывалась сотня теневых стражей и десять тысяч учеников. Все они подчинялись Фэн Уцзю — и все до единого его боялись.

Если бы Фэн Уцзю сам не отдал приказ, пожалуй, никто и близко не осмелился бы подойти к нему по собственной воле, чтобы не навлечь на себя неприятности.

Фэн Уцзю бросил взгляд на корзинку с едой, после чего вновь перевёл его на красивое лицо Цин Цзюэ.

Он скрестил руки на груди, а длинными пальцами мерно постукивал по предплечью. В его взгляде сквозила лёгкая угроза.

Кто знает, что творилось в голове у этого психа. Он не произносил ни слова, а Цин Цзюэ стоял на месте, не зная, то ли двигаться, то ли не двигаться, и от неловкости уже готов был начать шевелить пальцами ног.

Проклятье, этот безумный злодей пользуется тем, что у меня от страха мозг отключился!

Цин Цзюэ понятия не имел, что теперь делать, поэтому опустил голову и немного нервно, тихо позвал:

— Повелитель...

Да, Фэн Уцзю действительно был его самым любимым книжным персонажем, но теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, Цин Цзюэ всё равно должен был вести себя осторожно. В конце концов, то, что этот человек убивал без малейшего колебания, было чистой правдой.

Стоило ему сделать один неверный шаг — и он боялся, что даже не успеет признаться в своей тайной любви, прежде чем забрызгает всё вокруг кровью.

Наконец Фэн Уцзю развернулся. В его голосе звучала холодность, державшая людей на расстоянии:

— Входи.

В сердце Цин Цзюэ вспыхнула радость, и он поспешно последовал за Фэн Уцзю в комнату.

Однако тот, похоже, вовсе не собирался есть лапшу и лениво уселся на кровать.

Фэн Уцзю недаром стоял во главе десятков тысяч людей. Даже в его небрежных манерах чувствовалось неопишное благородство. Он чуть запрокинул голову и медленно произнёс два слова:

— Проверь на яд.

А-а-а, чёрт, ну до чего же круто! Чем это вообще отличается от встречи с кумиром вживую, где он позирует только для меня одного?!

Вот ради таких зрелищ и стоит жить — сразу появляются силы бороться с тяготами жизни!

Цин Цзюэ знал, что великий злодей редко кому доверял и во всём был осторожен. Он сам был всего лишь новеньким теневым стражем, который ни с того ни с сего вдруг начал проявлять такую инициативу, так что подозрения Фэн Уцзю были вполне естественны.

Однако обычно еду для Фэн Уцзю проверял на яд его слуга, а у Цин Цзюэ при себе не было чистой серебряной иглы.

— Повелитель, у этого подчинённого нет ничего, чем можно было бы проверить еду на яд...

Фэн Уцзю изогнул губы в злое усмешке:

— И что с того? Лапшу приготовил ты, значит, тебе и пробовать её на яд.

Цин Цзюэ растерялся.

Он не приготовил лишней миски и палочек. Если он просто начнёт есть, как потом есть Фэн Уцзю?

Увидев, что Цин Цзюэ всё ещё колеблется и не берётся за палочки, Фэн Уцзю усмехнулся ещё более порочно.

— Что такое? Неужели в лапше что-то есть и ты боишься её есть?

— Нет. — Цин Цзюэ покачал головой.

Другого выхода не оставалось. Он взял палочки, подцепил немного лапши и съел.

Убедившись, что с Цин Цзюэ ничего не случилось, Фэн Уцзю наконец поднялся, подошёл к столу и сел на стул.

Цин Цзюэ тихо напомнил:

— Повелитель, эту лапшу уже ел ваш подчинённый, и палочки тоже...

В древности люди, обладавшие властью и положением, зачастую считали «грязными» вещи, которых касались презренные теневые стражи.

Сам Цин Цзюэ мыслил свободно, но ведь Фэн Уцзю был человеком этого мира с рождения!

Поэтому он как само собой разумеющееся решил, что мужчина перед ним лишь делает вид, будто собирается есть.

Кто бы мог подумать, что Фэн Уцзю действительно опустит голову и начнёт есть лапшу, совершенно им не брезгуя.

Более того, он с невозмутимым лицом произнёс слова, от которых у любого вспыхнули бы щёки и забило сердце:

— Мы уже целовались. К чему теперь переживать из-за одной пары палочек?

Сказав это, он поднял глаза. В голосе появились насмешливые нотки, а зубы нарочно слегка прикусили палочки.

— Или ты не хочешь?

Да чёрт возьми, как я могу не хотеть?!

Ты палочки кусаешь? Да ты же мою душу кусаешь!

Уши Цин Цзюэ мгновенно залились румянцем, а уголки губ уже почти невозможно было удержать от улыбки.

— Этот подчинённый не против.

Ничем не прикрытый взгляд Фэн Уцзю медленно скользил по лицу Цин Цзюэ.

Поразмыслив несколько секунд, он подпер щёку одной рукой и спросил:

— Почему ты можешь нормально ходить?

Цин Цзюэ ошарашенно моргнул, всерьёз заподозрив, что, проснувшись, Фэн Уцзю вообще не запомнил, кто он такой, и теперь принимает его за кого-то другого.

— Этот подчинённый не хромым... — произнёс он, уже сомневаясь в самой реальности происходящего.

— Я знаю. — Фэн Уцзю несколько не отводил взгляда и продолжал смотреть на него в упор, нахмутив брови. — Тебе не больно?

Цин Цзюэ моргнул.

И внезапно всё понял.

<http://bllate.org/book/20788/2088795>